

Шопен одной левой

В консерватории выступил
Борис Березовский

КОММЕРСАНТ - 2005. - 28 ФЕВРАЛЯ. С. 21

концерт фортепиано

В Большом зале консерватории выступил пианист **Борис Березовский**. Были исполнены произведения **Николая Метнера**, **Фредерика Шопена** и транскрипции **шопеновских этюдов Леопольда Годовского**. **ВАРЕ ТУРОВОЙ** показалось, что весь вечер пианист играл лишь последнего.

Когда-то именно Метнер помог господину Березовскому подняться на вершину мирового музыкального исполнительства. Его метнеровские записи облетели мир, стали классикой и остаются чуть ли не эталоном исполнения музыки одного из самых сложных композиторов первой половины XX века. На сольном концерте в Большом зале консерватории господин Березовский из Метнера сыграл пять «Сказок» и сонату «Ночной ветер». К сожалению, все «Сказки» были на одно лицо, с одним и тем же характером, образом и даже одинаковым способом звукоизвлечения, притом весьма сомнительным в данном случае: жесткими, почти джазовыми пальцами пианист вытаскивал из рояля бескомпромиссный, прямой и открытый звук. Это, в крайнем случае, можно было бы считать концепцией и удивляться, до чего по-другому Борис Березовский играл эту музыку раньше.

К исполнению сонаты тоже трудно было отнестись с пониманием. Помимо тех же злых и острых пальцев (хотя нет на свете музыки мягче метнеровской) пианист продемонстрировал какое-то отсутствие чувства формы. В версии Бориса Березовского соната превратилась в некий ассортимент фрагментов: быстрый сменял медленный, тихий — громкий, лирический — зловещий, и логику — что, почему, куда и откуда идет — понять было невозможно.

Ядро концерта было явно не в первом отделении. Во втором Борис Березовский сыграл десять транскрипций Леопольда Годовского на темы этюдов Фредерика Шопена. Сперва пианист играл этюд Шопена и сразу же за ним — его обработку, сделанную композитором Годовским.

Как правило, обработки направлены исключительно на усложнение шопеновских этюдов. Например, пианист играет одной левой то, что у Шопена было написано для обеих рук. Или делает коллажи: правая рука играет тему одного этюда, а левая — другого. Не спрашивайте, зачем это нужно. Этюды Шопена не нуждаются в усовершенствовании, но зато сколько радости для композитора-неудачника! Их можно запросто испортить, вволю поиздеваться над лирикой, избавиться от романтизма, веселое сделать комичным, сделать все сложные места в десять раз сложнее и позлорадствовать над тем пианистом, который решится это играть.

Над Борисом Березовским, правда, поиздеваться не удалось: пианист шпарил все эти бесконечные рулады — что в прямом, что в переносном смысле — одной левой. Ошибался он как раз в этюдах Шопена (например, в конце ля-бемоль мажорного). При этом он снова играл тем же категоричным звуком, что и в первом отделении Метнера, и постепенно стало ясно, что ему интересно было иметь дело исключительно с господином Годовским. Это не Шопена он играл как Метнера, это он просто весь концерт играл Годовского. Как здорово звучал у него рояль в фантастически сложных транскрипциях! Каким он сразу становился обязательным, заинтересованным и добросовестным! И снова потухал, когда речь заходила об оригинале. Впрочем, зачем стараться их хорошо играть? Что вы, в самом деле, этюдов Шопена не слышали? Зал был полон пианистами всех возрастов, их действительно интересовало одно — сыграет или нет пианист следующий такт, следующий этюд, следующую невообразимую придумку чудака Годовского. Огромная работа, которую должен проделать пианист при разучивании подобных пьес, не может не вызывать уважение. Другой вопрос, что, не будучи пианистом, найти в этом адском труде смысл куда сложнее.

Обработки шопеновских этюдов оказались на руку Борису Березовскому

ФОТО ЮРИЯ МАРТЬЯНОВА